

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТЛИЧИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ «ОТЕЛЬ „У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА”»)

Э. В. Минаева

В статье рассматривается значение гендерных отличий, а также явление нейтрализации гендерных примет в молодежной субкультуре, возможные причины его появления. Нейтрализация гендерных отличий может угрожать нормальному развитию личности, осложнять формирование гендерной самоидентификации и идентификации, препятствовать успешному общению.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентификация, коммуникация

У статті розглядається значення гендерних відмінностей, а також явище нейтралізації гендерних ознак у молодіжній субкультурі, можливі причини його виникнення. Нейтралізація гендерних відмінностей може загрожувати нормальному розвитку особистості, ускладнювати формування гендерної самоідентифікації та ідентифікації, перешкоджати успішному спілкуванню.

Ключові слова: гендер, гендерная ідентифікація, комунікація

The article deals with gender differences, the phenomenon of neutralization of gender signs in the youth subculture. Neutralization of gender differences may be a threat to the normal development of the personality, may hinder the process of successful communication.

Key words: gender, gender differences, communication

Гендер – один из наиболее важных социальных конструктов, участвующих в структуризации жизни личности и общества. Человек обладает отчетливым внутренним ощущением своей принадлежности к мужскому или женскому полу или к некоей промежуточной кроссгендерной позиции. Это частное, внутреннее восприятие своего пола обозначается как гендерная идентичность.

Актуальность. Люди демонстрируют окружающим, насколько они по отношению к обществу занимают мужскую, женскую или кроссгендерную позицию, своими высказываниями на эту тему, стремлением к сексуальной привлекательности, гендерно маркированным поведением. Это публичное выражение гендера называется гендерной ролью. Параметры, по которым люди оценивают и воспринимают свою гендерную роль, частично являются физическими (внешний вид тела) и частично – социокультурными (например, длина волос, одежда, принятые в данном обществе стандарты мужского и женского поведения, гендерные особенности речи).

Сталкиваясь с людьми, чей гендер сложно определить, мы испытываем затруднения с идентификацией их личности, возникают проблемы коммуникативного характера. Взаимодействие людей регулируется ролевыми ожиданиями: от человека ожидается соответствие определенному образцу, что является условием успешной коммуникации. В США в одном из телевизионных шоу была показана история Пэта, персонажа с гендерно нейтральным внешним видом и поведением. Люди, видевшие сцены с участием Пэта, испытывали внутренний дискомфорт, поскольку не знали, как им следует воспринимать поведение этого человека при отсутствии информации о его / ее гендерной принадлежности [1]. В процессе обработки данных о человеке гендерной идентификации принадлежит важная роль: люди часто не обращают внимания на цвет глаз или волос встреченного ими человека, забывают, во что он был одет или каково было его имя, но практически всегда помнят, мужчиной он был или женщиной. Таким образом, гендер является важнейшей социальной категорией, с помощью которой мы обрабатываем информацию об окружающих нас людях.

«Размытость» гендерных признаков чаще встречается в молодежной субкультуре. В таких случаях физические и социокультурные параметры гендерных ролей затрудняют гендерную идентификацию. Даже при условии сформированности таких гендерных параметров, как внешний вид и стандарты женского и мужского поведения, у девушек наблюдается тенденция к маскулинизации речи, языка, что не может не вызывать беспокойства, так как язык активно участвует в процессе «doing gender» (создания гендера). Глория Стайнем считает, что отказ от паттернов женской речи и применение женщинами мужского стиля коммуникации может привести к негативным последствиям: слушатели перестают обращать внимание на содержание того, о чем говорит женщина. Эксперименты, которые провели Холл и Сандлер, показали, что если женщина усваивала «мужской» стиль общения, то она воспринималась как «агрессивная», в то время как женский стиль коммуникации создает атмосферу, направленную на сотрудничество, способствует продолжению разговора, женский разговорный язык и невербальные жесты являются подкрепляющими, вежливыми и экспрессивными [5, с. 229].

Можно выделить некоторые возможные причины нейтрализации гендерных отличий в молодежной субкультуре:

1. Ориентация личности на референтную группу. Люди, которых индивид избирает, чтобы справиться с их мнениями и оценками, и которые служат критерием для оценки субъектом самого себя и других людей,

рассматриваются как референтный круг общения, или референтная группа [2]. В подростковом возрасте взаимоотношения со значимыми сверстниками становятся личностнообразующими. Если референтной группой принят гендерно нейтральный или маскулинизированный эталон поведения, в том числе и речевого, подросток стремится соответствовать ему.

2. В подростковом возрасте продолжает формироваться гендерно-ролевая идентичность, т. е. процесс развития, состоящий из следующих компонентов: гендерно-ролевые предпочтения, гендерно-ролевая идентификация, осознание ролевых стандартов, определяемых полом, осознание гендерных ролей и гендерно-ролевая ориентация. Личность подростка находится в состоянии гендерного самоопределения.

3. Нейтрализация гендерных различий в подростковом возрасте может свидетельствовать о процессе формирования андрогинного, маскулинного, фемининного или недифференцированного типа личности. Сандра Бем выделила 4 группы мужчин и женщин, в итоге получилось 8 полоролевых типов (по 4 для мужчин и женщин) [3, с. 376]:

Типология мужчин и женщин по выраженности маскулинности и фемининности

Тип	Маскулинность	Фемининность
Маскулинный	Высокая	Низкая
Фемининный	Низкая	Высокая
Андрогинный	Высокая	Высокая
Недифференцированный	Низкая	Низкая

4. Маскулинизация девочек может быть связана с механизмом самозащиты: в патриархатном обществе маскулинные черты личности могут способствовать достижению больших успехов, в отличие от фемининных.

5. Нейтрализация гендерных различий может быть результатом внутреннего и внешнего протеста подростка против стереотипизации, характерной для мира взрослых.

Цель. Проиллюстрировать феномен нейтрализации гендерных признаков на разных уровнях жизнедеятельности еще не вполне сформировавшейся личности можно на примере романа Аркадия и Бориса Стругацких «Отель „У Погибшего Альпиниста”». Авторы создали персонаж, который невозможно идентифицировать как девушку или юношу.

Портретные характеристики могут быть отнесены равно к юноше и к девушке: «Заложив руки за спину, он строго выговаривал тощему гибкому существу неопределенного пола, изящно развалившемуся в глубоком кресле. У существа было маленькое бледное личико, наполовину скрытое огромными черными очками, масса черных спутанных волос и пушистый красный шарф» [7, с. 274], «Дитя неохотно выбралось из кресла и приблизилось. Волосы у него были богатые, женские, а впрочем, может быть, и не женские, а так сказать, юношеские. Ноги, затянутые в эластик, были тощие, мальчишеские, а впрочем, может быть, совсем наоборот – стройные девичьи. Куртка была размера на три больше, чем требовалось. Одним словом, я бы предпочел, чтобы дю Барнстокр представил чадо своего дорогого покойника просто как племянницу или племянника. Дитя равнодушно улыбнулось мне розовым нежным ртом и протянуло обветренную исцарапанную руку» [7, с. 275].

Имя персонажа – Брюн – ничего не говорит о его поле. В отношении Брюн используются гендерно нейтральные формы номинации: они, оно, фигура, существо, дитя, чадо, ребенок.

Персонаж демонстрирует маскулинный тип поведения наряду с фемининным. Мы можем определить как маскулинные следующие поведенческие акции: «Существо в кресле зевнуло во весь маленький рот и закинуло ногу на подлокотник» [7, с. 274], «Чадо с грохотом отодвинуло стул, поднялось и, продолжая хрустеть яблоком, направилось к выходу» [7, с. 280], «Перегнулось через перила чадо с окурком, прилипшим к нижней губе» [7, с. 293], «Чадо загородило нам дорогу и, нагло поблескивая выгаращенными черными окулярами, потребовало сигаретку» [7, с. 300], кроме того, чадо ездит на мотоцикле-убийце, пишет экстремистские лозунги и вешает их на дверь номера, в котором живет полицейский.

Фемининное поведение также присуще этому персонажу: «я почувствовал, что в каминной появился еще кто-то. Пришлось повернуть голову и скосить глаза. Это было единственное дитя покойного брата господина дю Барнстокра. Оно возникло совершенно не слышно и теперь сидело на корточках рядом с Лелем и гладило собаку по голове. Багровые блики от раскаленных углей светились в огромных черных очках. Дитя было какое-то очень одинокое, всеми забытое и маленькое. И от него исходил едва заметный запах пота, хороших духов и бензина.

– Метель какая... – сказала оно тоненьким жалобным голоском.

– Брюн, – сказал я. – Дитя мое. Снимите на минутку ваши ужасные очки.

– Зачем? – жалобно спросило чадо.

Действительно, зачем? – подумал я и сказал:

– Я хотел бы увидеть ваше лицо.

– Это совершенно не нужно, – сказала чадо, вздохнуло и попросило: – Дайте, пожалуйста, сигаретку.

Ну, конечно же, это была девушка. Очень милая девушка. И очень одинокая. Это ужасно – в таком возрасте быть одиноким. Я поднес ей пачку с сигаретами, я щелкнул зажигалкой, я поискал, что сказать, и не нашел. Конечно, это была девушка. Она и курила как девушка – короткими нервными затяжками»

[7, с. 287], «Несколько секунд чадо смотрело на меня сквозь свои огромные черные очки, и вдруг пухлые розовые губы его задрожали.

– Так плохо? – шепотом спросило оно. – Да не молчите же, скажите хоть что-нибудь наконец!

С некоторым удивлением я был вынужден признать, что это дикое существо, по-видимому, любит своего дядю и боится за него» [7, с. 349], «Чадо отшатнулось и, словно защищаясь, вытянуло руки ладонями вперед.

– Нет! – прошептало оно. – Что вы! Что вы?..» [7, с. 350], «Чадо молчало. Оно сидело, съезжившись, на кровати под большим рукописным плакатом «Будем жестокими!» и молчало. Потом из-под черных очков по щекам потекли слезы» [7, с. 350], «Чадо с хлюпаньем утерло нос и полезло рукой под подушку. За носовым платком» [7, с. 351].

Можно наблюдать способность персонажа к резкой смене гендерных моделей поведения: «У меня сил не стало слушать этот жалобный голос.

– Черт возьми, Алек, – сказал я. – Вы хозяин или нет? Неужели нельзя приказать Кайсе провести ночь с бедной девушкой?

– Эта идея мне нравится, – сказала дитя, оживившись. – Кайса – это как раз то, что надо. Кайса или что-нибудь в этом роде.

Я в замешательстве опорожнил стакан, а дитя вдруг выпустило в камин длинный точный плевок и отправило следом окурок.

– Машина, – сказала оно сиплым басом» [7, с. 287-288], «Чадо снова показало мне язык. Правильно! Я вылез из-за стола и, ступая по возможности твердо, понес к этой разбойнице ... к этому разбойнику бутылку и стакан. Сейчас или никогда, думал я. Такое расследование во всяком случае интереснее, чем кража часов и иного барахла. <...>

– Танец, мадамзель? – произнес я, плюхнувшись на стул рядом с чадом.

– Я не танцую, сударыня, – лениво ответило чадо. – Бросьте трепаться и дайте сигаретку» [7, с. 311]. Впоследствии Брюн поочередно танцует с женщиной и мужчиной.

Речь «чада» лаконична, в ней часто встречаются жаргонизмы, которые выполняют информативную функцию наряду с эмоционально-оценочной, отсутствуют родовые окончания: «– Из рукава, – заявило оно хриплым басом. – Хилая работа, дядя» [7, с. 274], «Хорошо мы вас шуганули? – осведомилось оно сипло» [7, с. 275], «Дает!» – отчетливо произнесло чадо» [7, с. 278], «чадо хрипло объявило – к сведению всех присутствующих, что оно, чадо, в общем ничего особенного против этих штучек-дрючек не имеет, оно к этим фокусам-покусам привыкло, но совершенно не терпит, когда посторонние валяются на его, чадиной, постели» [7, с. 279].

Интонационный регистр персонажа колеблется от маскулинного к фемининному: сердито поправило, сердитый сипловатый голос осведомился, ошетинилось, сердито буркнуло; прошептало, едва слышно пролепетало, голос испуганно спросил, спросило чадо дрожащим голосом, сказала тоненьким жалобным голосом.

Никто из персонажей, по-видимому, не осведомлен, кто же все-таки Брюн: девушка или юноша. Главный герой – Петер Глебски, полицейский в отпуске – даже подозревает, что и родной дядя Брюн не знает этого. Петер предпринимает коммуникативную провокацию: «Тут мне пришло в голову, что пора наконец выяснить, парень это или девушка, и я раскинул сеть.

– Значит, вы были в буфетной? – спросил я вкрадчиво.

– Да. А что? Полиция не разрешает?

– Полиция хочет знать, что вы там делали.

– И научный мир тоже, – добавил Симонэ. Кажется, та же мысль пришла в голову и ему.

– Кофе пить полиция разрешает? – осведомилось чадо.

– Да, – ответил я. – А еще что вы там делали?

Вот сейчас ... Сейчас она... оно скажет: «Я закусывал» и «закусывала». Не может же оно сказать: «Я закусывало»...

– А ничего, – хладнокровно сказала чадо. – Кофе и пирожки с кремом. Вот и все мои занятия в буфетной.

– Сладкое перед обедом вредно, – с упреком сказал Симонэ. Он был явно разочарован. Я тоже.

– Ну а надираться среди бела дня – это не по мне, – закончило чадо, торжествуя победу» [7, с. 300].

Главный герой восклицает: «Черт знает что! То вдруг чудилось в этой стройной ладной фигуре молоденькая прелестная девушка. Но стоило смягчиться душою, и девушка пропадала, а вместо нее самым непристойным образом появлялся расхлябанный нагловатый подросток – из тех, кто разводит блох на пляжах и накачивают себя наркотиками в общественных уборных» [7, с. 280]. Невозможность произвести гендерную идентификацию Брюн приводит к тому, что образ персонажа раздваивается: в состоянии опьянения Петер Глебски начинает воспринимать Брюн как две разные личности: «Чадо отвечало мне что-то, и довольно остроумно, то хриловатым мальчишеским басом, то нежным девичьим альтом. Голова у меня шла кругом, и скоро мне стало казаться, что разговариваю я сразу с двумя собеседниками. Где-то тут обретался испорченный, вставший на неправильный путь подросток, который все время хлобыстал мое бренди и за которого я нес ответственность как работник полиции, опытный торговый агент и старший по чину. И где-то тут же пребывала очаровательная пикантная девушка, которая, слава богу, ну совершенно не

походила на мою старуху и к которой я, кажется, начинал испытывать более нежные чувства, чем отеческие. Отпихивая все время ввязывавшегося в разговор подростка, я изложил девушке свои взгляды на брак как на добровольный союз двух сердец, взявших на себя определенные моральные обязательства. И никаких велосипедов-мотоциклов, добавил я строго. Условимся об этом сразу же. Моя старуха этого не выносит. Мы условились и выпили – сначала с подростком, потом с девушкой, моей невестой. <...>

– <...>Тут меня осенила новая мысль. – А что, парень, – сказал я – не поучить ли мне тебя стрелять из пистолета?

– Я не парень, – грустно сказала девушка. – Мы же с вами обручились.

– Тем более! – воскликнул я с энтузиазмом. – У меня есть дамский браунинг...

Некоторое время мы с нею беседовали о пистолетах, обручальных кольцах и почему-то о телекинезе. Потом мною овладело сомнение.

– Нет! – сказал я решительно. – Так я не согласен. Сначала снимите очки. Я не желаю покупать кота в мешке.

Это была ошибка. Девушка обиделась и куда-то пропала, а подросток остался и принялся хамить» [7, с. 311-312].

Только экстремальная ситуация – убийство одного из персонажей – позволяет наконец идентифицировать Брюн. Полицейский заставляет «чадо» снять очки, с которыми оно не расставалось даже ночью: «Да, это была девушка. И прехорошенькая, хотя глаза ее опухли и покраснели от слез» [7, с. 369]. Речь Брюн становится многословной, более эмоциональной, появляются образные выражения и родовые окончания. Образ персонажа обретает определенную целостность и естественность.

Из проведенного анализа можно сделать **вывод**, что нейтрализация гендерных признаков может угрожать нормальному развитию личности, затруднять формирование гендерной самоидентификации и идентификации, порождать внутренние и внешние конфликты, а также осложнять межличностную коммуникацию.

Литература:

1. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.-М., 2001.
2. Введение в психологию / Под общ. ред. проф. А.В. Петровского. – М., 1996.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб., 2002.
4. Кэлли Г. Основы современной сексологии. – СПб., 2000.
5. Палуди М. Психология женщины. – СПб., 2003.
6. Синельникова Л.Н., Богданович Г.Ю. Введение в лингвистическую гендерологию. – Луганск – Симферополь, 2001.
7. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Улитка на склоне. Второе нашествие марсиан. Отель «У погибшего альпиниста». – М., 1992.